

А ЧТО ЗА ДОЧКА,
РАДИ КОТОРОЙ ТЫ
ТАК НА ВОЛНО
РВАЛСЯ?

SH va

ДОЧКА
РОЖДЕНА
ОТ
БОЛЬШОЙ
ЛЮБВИ

Заче-ра-ка-м
всегда
везёт...

ЗАПЯСТЬЕ

А МЕНЯ ИВАНОМ ЗОВУТ.
Я ЕЩЕ НЕ УВЕРЕН, В КОГО Я
ВЕРЮ...
У НАС, В ЧЕЛЯБИНСКО, ВСЯ
БРАТВА В ШИВУ
ВЕРЯТ...

Харе, Харе, Марадев

Mari Jee

ГЛАВА 31. Часть первая. В тюрьме.

– Опен Мапса Бич, – слышу я до боли знакомый голос Виктора. Двери моей камеры опять открываются. Снова один час прогулки. Опять мне предстоит ходить по кругу и говорить ни о чём, потому что обо всём, о чём можно было поговорить, мы говорили уже по многу раз. Я знаю почти всё о его жизни, а он о моей. Иногда, мы до хрипоты спорим о какой-нибудь ерунде типа «дуальности всего в этом мире» и расстаёмся, почти ненавидя друг друга. Но, на следующий день, мы опять безумно рады встретиться на один час, чтобы обсудить абсолютно оппозитное мнение, родившееся за ночь. У нас есть всего один час, чтобы поговорить на родном языке, обменяться книгами или тюремными новостями. Сегодняшняя новость номер один – возвращение Елисея из психиатрической клиники.

– Ты слышал, Вить, говорят, он сбежал из психушки, а его снова поймали, – говорю я, рассматривая огромную дохлую крысу, убитую охранниками в ночную смену.

– А что гадать-то, сейчас он выйдет из камеры, и всё у него узнаем.

Под аплодисменты европейских заключённых, из камеры номер три, последним выходит слегка отъевшийся, улыбающийся Елисей. На нём все та же драная, старая одежда, такие же невытые, длинные, засаленные волосы. Изменились только руки, в этот раз они обильно обмазаны зелёнкой.

– Ну, здорово, бродяга, рассказывай, как тебе психушка гоанская, – первым спрашивает его Виктор.

– Здорово, парни.

Елисей снова пытается вместо рукопожатия потереться запястьями.

– Нет, Елисей, видимо не до конца тебя вылечили. Неужели ты не можешь по-человечески руку пожать?

– Так у меня же на запястьях в ленточке сила Христова, она же вам тоже передаётся.

– Ладно, проехали. Не будем углубляться в полемику, рассказывай. Что за слухи про твой побег ходят?

– Домой мне нужно было попасть. Вот я и убежал оттуда. Я же здесь в тюрьме ещё говорил, мне мои вещи забрать нужно. А меня слушать никто не хотел. Я и в психушке требовал, чтобы выделили мне конвой домой съездить, вещи свои забрать. Я в Чапоре комнату арендую, а сейчас сезон дождей, если вещи не упаковывать, пропадет всё. Тем более, у меня там, в вещах, дочка ждёт меня.

Привыкшие ничему не удивляться, мы, молча переглянувшись с Виктором, продолжаем слушать поток бреда, в котором только иногда слышится здравый смысл.

– Не стали меня врачи слушать, заперли в палате вместе с двумя местными психами. А я ночью отломал кусок железки от кровати, открутил им четыре шурупа, которые решётку на окне крепили, и убежал. Долго пришлось через колючий кустарник пробираться, одежду всю изорвал и сам исцарапался. Пришёл домой, собрал свои вещи, дочку в карман положил, косяк сделал. Сижу, чай пью, вдруг полиция прибегает, орать на меня начали, посадили в машину и вот я снова здесь. Теперь я могу спокойно, долго здесь сидеть, дочка теперь со мной.

– А что за дочка, ради которой ты так на волю рвался? – спрашивает Виктор, приоткрыв от изумления рот.

– Вот она, – Елисей достаёт из кармана маленькую, смешную куклу. – Это моя дочка, она, как и все дети, рождена от большой любви.

– Вот смотри, Вася, что люди за любовь делают. А вы заладили на пару с Антонио: «Побег, побег». Захотите сначала, так же, как и он убежать, – и всё у вас получится. Вот так люди любовь свою доказывают, жизнью рискуют. Ему же полгода могут за побег сейчас добавить. А ты и Антонио себя больше любите. Полюбите кого-нибудь так же, и любые решётки и стены вам не помеха.

– Возможно, ты и прав, Витя. Может, я и не так сильно хочу убежать отсюда. – Спасибо тебе Елисей. Сегодня, благодаря тебе, я понял смысл фразы «Дуракам всегда везёт», – говорю я, протягивая ему свое запястье.

ГЛАВА 31. Часть вторая. На воле.

– Эй, братан, скажи, а кто у вас тут Вася? – спрашивает меня появившийся крепыш с бритым затылком.

– Я – Вася. А в чем дело?

– Ну, наконец-то, мы тебя нашли, базар у нас к тебе есть, где бы нам поговорить?

– А чем тебе здесь не нравится? Поднимайся в ресторан, присаживайся, поговорим.

Я прерываю свое долгое наблюдение за танцующими на пляже капэюру, и готовлюсь снова общаться с «посланниками с большой земли».

– Я не один, у нас две тёлки и мой друган, – показывает крепкий парень на стоящих возле входа двух девушек в босоножках на каблуках, и парня, похожего на стандартного крутильщика наперстков с привокзальных площадей.

– Так что же вы мнётесь возле входа? Проходите, располагайтесь, сок себе закажите, пока я с вашим другом буду разговаривать.

– Значит, ты – тот самый Вася? А мы с Южного Гоа к тебе почти сто километров проехали, наслышаны мы о тебе в Москве. Все пацаны, кто с Гоа возвращаются, про тебя говорят.

– И что же говорят пацаны? – улыбаясь, спрашиваю я, стараясь слегка пародировать манеру общения «братков».

– Говорят, у тебя гашло какое-то лютое есть, которое ты в микроскоп показываешь. А ещё пацаны рассказывали, что пирожные ты делаешь с этим гашлом. Говорят, если съесть одно такое пирожное, то, в натуре, весь день курить не надо.

– Да, не врут твои пацаны. Гашло у меня отменное. Местная братва назвала его «из дедушкиного погребка». Пятьдесят баксов за толу.

– А тола – это что? Коробок, что ли, местный? – разглядывая меню, говорит второй парень похожий на жулика.

– Тола – это индийская мера веса, равняется двенадцати грамм, а гоанская тола – это всего десять.

– Да нам пофиг, десять или двенадцать. Цена нас устраивает. Ты продай нам сто грамм, чтобы нам две недели после не дёргаться. И – пирожных штук двадцать. Почём они у тебя?

– По сто, – отвечаю я, с улыбкой наблюдая, как их разукрашенные косметикой подружки, в неудобных облегающих миниюбках, слегка испуганно оглядываясь по сторонам, сидят на матрасиках, прикрывая свои пухлые ляжки дорогими дамскими сумочками.

– А не дорого, по сто баксов за пирожное? – спрашивает «жулик», доставая пачку денег.

– По сто рупий, – смеясь, отвечаю я. – Это три доллара за штуку всего.

– А... Три бакса – это халява. Тогда мы штук пятьдесят возьмем, у нас в отеле ещё братва живёт. Сегодня накормим всех, пусть порадуются, в рашке так не пошикуешь. А, самое главное, я чуть не забыл спросить. «Первого» у тебя нет случайно? Нам в Москве говорили, что ты «первым» не торгуешь, но нам нужно очень.

– Это верно, кокаин я не продаю, но есть «димыч».

– А что это такое «димыч»? Такого мы не пробовали ещё.

– «Димыч» – это МДМА, так здесь его называют. Это основной элемент таблеток экстази.

– Не, колеса нам не нужны, пати все равно нет нигде, где под ними плясать-то? Нам бы кокаину вырубить, мы бы его на пляже под водочку.

– Не, пацаны, тут я вам помочь не могу, даже не просите, я к кокоосу не прикасаюсь, это мои базовые понятия.

– Слушай, Вась, а давай мы тебе сейчас половину денег дадим, вечером попробуем твое гашло, если понравится, завтра остальные деньги привезем и ещё столько же купим, – предлагает «жулик», протягивая мне часть денег.

– Нет, парни. Я – не кредитный банк, и не первый день наркотиками торгую. Утром стулья, а вечером деньги – это не про меня.

– Ладно, Вась, не обижайся, это он прикалывается. Колян, отдай ему все деньги, видишь свой пацан, – говорит крепыш, поднимаясь из-за стола. – Спасибо тебе, Вась, поедем мы, а то такси нас ждет, нам назад ещё целый час ехать.

Упаковав им всё в пакет, я вижу, как с соседнего столика за нами, улыбаясь, наблюдает Арик, пришедший только что с двумя какими-то парнями.

– Привет, Арик. Как жизнь? Что нового?

– Пока хорошо, – улыбаясь, говорит двухметровый блондин, поправляя свои длинные волосы. – Первые анализы показали, что у меня СПИДА нет, это радует. Но, нужно сдать кровь ещё раз, через три месяца.

– Удивляюсь я тебе, Арик. За таким красавцем, как ты, красивые манекенщицы должны бегать, а ты себе подружку нашел в два раза ниже себя, наркоманку, да ещё большую СПИДОМ.

– Вот так бывает, Васян, видимо карма у меня такая. Я смотрю, у тебя братва всё чаще стала в заведении появляться.

– Да, Арик, пати нет, нормальный народ по другим странам разбегаться начал, а сюда всё чаще русские пацаны приезжать начали, все кокаин хотят. Но, это не самые худшие персонажи, всё

больше лохов-«грушинцев» появляться стало. Им вообще ничего, кроме водки, не нужно. Напьются, и поют: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

– Кстати, познакомься, Вася, – это мои односельчане из Челябинска. Они у нас в Челябинске авторитетные шиваиты.

– Ну, может и не такие уж авторитетные, но верим в Шиву, – протягивая мне руку, говорит худой, с длинными редкими волосами парень лет тридцати пяти-сорока.

– Женёк меня зовут.

– Приятно познакомится, Жень.

– А меня Иваном зовут, – поднявшись, протягивает мне руку лысый парень с простым русским лицом. – Я ещё не уверен, в кого я верю. У нас, в Челябинске, вся братва в Шиву верит, а я пока только наблюдаю.

– Приятно познакомится, Вань. Мне рассказывал Аркаша, что у вас один авторитетный вор в законе посадил всю братву на шиваизм, – говорю я, присаживаясь к ним за столик. – Я слышал, что вся челябинская братва на золотых цепях не кресты, а трезубцы Шивы носит, и здороваются все, произнося «Харе, Харе, Махадэв».

– Ну, не все, конечно, но большинство такие, – приятно улыбаясь, отвечает Женя, показывая на висящую на его груди рудракшу. – Мы, челябинские, гашиш курить любим и грибочки псилоцибиновые иногда едим. Есть ли у тебя, Вася, что-нибудь на продажу?

– А мне бы кокаину, я «кокос» люблю, – перебивает нас Ваня, изображая занюхивание невидимой дорожки.

– Кокаин я, Вань, не продаю. И не желаю ничего о нем знать, это мои базовые принципы.

– А что же так? – удивленно спрашивает Ваня, доставая из кармана пачку «Беломорканала».

– Потому, что это опасный наркотик, о нем ещё дедушка Фрейд сто лет назад писал. А я не драг-дилер, и не хочу себе карму портить плохими поступками.

– А я, наоборот, всю жизнь считал, что кокаин вообще не наркотик, да и вреда от него никакого нет.

– Не буду спорить с тобой. Твои знания на личном опыте основаны, а я кучу книг прочитал, прежде чем первый раз попробовать. Грибочков, Жень у меня нет, они тут, в Индии, слабые урождаются, да и самому их собирать надо. Мало ли, что индус в лукошко положить может, ему же все пофигу. Но, есть ЛСД, ничем не хуже, а может даже и лучше, с него галлюцинации поярче полу-

чаются. А из курёхи – два вида чараса: индийский из Манали, как у всех – по тысяче рупий за толу, и непальский – по две тысячи. Непальский, европейцами сделанный, – чище не найдёшь.

– Что? Прямо европейцы собирают? – удивлённо спрашивает Женя, вытягивая у папиросы мундштук.

– Нет, конечно, ганджу непальцы собирают, но, процесс приготовления чараса контролируют белые люди. Я бы тебе, Вань, посоветовал вместо кокаина МДМА попробовать. И полезнее, и удовольствия больше.

– А это что такое? – удивленно спрашивает лысый челябинский парень.

– А ты, Вань, экстази пробовал?

– Конечно же, я экстази люблю. Я в Челябинске, если на дискотеке кокаин не достану, четыре колеса экстази себе на ночь покупаю.

– Так вот, Вань, экстази делают из МДМА, добавляют амфетамин, чтобы дешевле было, и продают. А МДМА – это чистые кристаллы, без всякой примеси.

– Тогда нам, Вась, нужно бутылку¹ ЛСД, сто грамм чараса, и грамм десять МДМА – на пробу.

– Вот это – по-нашему, по-гоански, – смеясь, говорю я, доставая фотоаппарат, в котором я обычно прячу наркотики. – Только у меня с собой столько нет. Вот вам, по чуть-чуть всего, на пробу. И запишите телефон моего напарника, Дэн зовут его. Позвоните ему, закажете, сколько надо, он сам вам всё привезёт. Теперь он наркотиками рулить будет, слишком засветился я тут.

«I'm a disco dancer, Jimmi, Jimmi, acha, acha...», – начинает играть из моего телефона популярная когда-то в России индийская песня.

– Как тут всё в Индии часто синхронизируется, – говорю я, показывая высветившуюся надпись на дисплее моего телефона, – только о Дэне подумал, а он уже сам звонит. – Алло, привет, Дэн. Как жизнь? Я тут только что твой телефон челябинским парням дал. Поможешь им?

– Конечно, помогу, а сколько и чего им нужно?

– Они сами тебе позвонят, это Арика односельчане.

– Ты слышал, Вась, сегодня Серёга на байке насмерть разбился, – слышу я в телефоне взволнованный голос Дэна.

– Какой Серёга?

¹Бутылка – Сто капель ЛСД, сто доз.

– А тот, что у тебя на первом этаже в доме месяц уже живет. Лена, Сергей и их маленький сын Федька.

– Когда же он успел разбиться, если я его час назад на дороге видел? Он ещё чуть не врезался в меня, пьяный в стельку ехал.

– Вот он далеко и не успел уехать.

Убрав телефон в карман, я какое-то время сижу, уставившись в одну точку, и пытаюсь вспомнить лицо Серёги.

– Что случилось, Васян? – первым нарушает тишину Арик. – Что, опять кто-то на байке разбился?

– Ага, постоялец из моего дома, только что погиб. Час назад его видел живым, а сейчас его уже нет. Каждый год куча народу бьется, а все равно пьяными ездят.

Серёга был другом Андрюхи Ананаса, который, в первый сезон был первым туристом, остановившемся жить в моём доме. Они оба были героиновыми наркоманами, и много лет пытались соскочить с этой ужасной зависимости. Андрюхе первому получилось это сделать. Приехав год назад, он легко перешёл на более лёгкие наркотики, стал ходить на пати и вести более-менее здоровый образ жизни. Нарастив себе дреды, он удачно вписался в компанию фриков, и был прозван мистером Ананасом за свою любовь связывать толстым пучком дреды на самой макушке. Это делало его голову похожей на большой ананас. Приехавший по его совету Серёга торчал на героине вместе со своей женой Леной. Удачно перекумарившись и преодолев болезненные ломки, они столкнулись с новой проблемой – с пустотой, сопровождаемой ужасной скукой, которая образовалась в их головах. Обычно эту пустоту они заполняли героином, наслаждаясь иллюзорным счастьем. Но, этого наркотика больше не хотелось. И тогда они начали бухать. Бухать каждый день, и много. За час до гибели Серёги, я видел его глаза. Тогда, еле держась на мотоцикле, он ехал посередине дороги, его глаза были мутными, как у мертвеца. Реальность окружающего мира для него просто не существовала. Он был в своём, иллюзорном мире. Окружающий реальный мир его просто не устраивал.

На кремацию Серёги я не приехал, мне не было его жалко, была даже какая-то обида, или злоба на человека, которому было абсолютно наплевать на окружающий мир. Ему было наплевать, что он мог кого-то сбить, или разбиться сам. Ему было наплевать на его жену Лену и своего маленького сына Федьку, который ещё долго не мог понять, куда делся его любимый папка.